18+

ИРИНА МИТРОФАНОВА

КУДА УВОДЯТ МЕЧТЫ

РАССКАЗЫ, СКАЗКИ, ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ

Ирина Митрофанова

Куда уводят мечты

«Издательские решения»

Митрофанова И.

Куда уводят мечты / И. Митрофанова — «Издательские решения»,

Некоторые из представленных произведений этого сборника сплошь сотканы из волшебства, в других волшебство переплетено со знакомым, но преображенным бытом, здесь есть истории невероятные, а есть вполне себе житейские, но и в них чудо в конце концов будет найдено, сотворено либо подарено судьбой. И, возможно, на страницах этой книги читатель тоже сможет найти близкое и родное для себя чудо.

© Митрофанова И.
© Издательские решения

Содержание

Прививка счастья 6
Рассказы и сказки 8
Встреча 8
Маша и ее друзья-инопланетяне 10
Куда уводят мечты 13
Призрак праздника 19
Муравейник 23
Случай в бассейне 28
Хрустальный шар Надежды 30
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Куда уводят мечты

Ирина Митрофанова

Иллюстратор Ирина Митрофанова

© Ирина Митрофанова, 2026
© Ирина Митрофанова, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-7532-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прививка счастья

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Писать предисловие, скажу я вам, — это самое последнее дело для автора», — как справедливо заметил Николай Носов, писатель, подаривший нам «Незнайку» и еще немало прекрасных книг, населенных с детства любимыми персонажами. Заметил и пояснил: «Последнее — в том смысле, что автор обычно берется за предисловие уже после того, как написал книгу, — в последнюю, так сказать, очередь». Однако для меня как автора, приглашенного открыть книгу своим вступлением, это дело, наоборот, оказалось почти самым первым, не считая, конечно, прочтения рассказов и повестей.

«Куда уводят мечты» — вторая книга Ирины Митрофановой после продолжительного перерыва. Ее первый сборник «Неловкие души» (в названии слышна отсылка к известнейшей поэме Есенина) вышел еще в 2014 году и состоял из двух десятков коротких, казалось бы, вполне реалистичных историй о прошедшем детстве, не сложившейся жизни, невзаимной любви и трогательной нежности. Однако почти в каждой из тех историй сквозь какие-то метафизические прорехи и приоткрытые форточки быта то задувал ощутимый тревожный сквозняк, то вдруг выглядывала потусторонняя реальность.

На новом этапе творчества персонажи Митрофановой вполне узнаваемы. Они по-прежнему бывают неловкими и порой трогательно несовременными. Их можно посчитать добровольными «лузерами» или же «бесспособниками», ведь чаще всего они готовы уступить лучшие места в театре жизни другим — более активным, ярким и востребованным. Понятие «дружбы», в сознании многих утратившее свой ореол, для них по-прежнему значимо, хотя и труднообъяснимо:

«— Дружить? — удивилась Варя. — Да зачем же я тебе?..

— А зачем вообще кто-то кому-то? — логично возразила Лена.

— И то верно, — согласилась Варвара» («Муравейник»).

Общаясь, они отличают своих от других, от тех самых активных и востребованных, даже при отсутствии четких критериев:

«— А как ты определяешь, обезьяна или нет? — заинтересовался Максим, в очередной раз разливая коньяк по пластиковым стаканчикам.

Они расположились на маленькой истертой скамейке обезлюдевшей на зиму спортивной площадки.

— Да само как-то определяется, с ходу и не объяснишь. Ну, когда явно неразвитая особь, понимаешь, хотя для обезьян, может, и нормально» («Хрустальный шар Надежды»).

О поворотах и парадоксах женской судьбы (не только женской, но намного чаще, чем мужской) в малом жанре активно пишут многие современные писательницы. На ум приходят Лера Манович, Мария Косовская, Елена Тулушева. Авторская фантазия, поверх узнаваемых бытовых подробностей, безусловно задействована в творческой методе каждой из них, а периодическая жесткость ударов о жизнь уравновешивается хорошо развитой самоиронией. Сюжеты же представленных в сборнике «Куда уводят мечты» рассказов и коротких повестей, намекая на реальные узнаваемые проблемы, обозначая их, каждый раз отстраняются от жесткого драматизма — почти все сложности и конфликты между персонажами возникают от недопонимания или комических (а иногда и космических) оплошностей. И это вполне сознательная авторская установка. «Инопланетянка сказала, что у них похоже, но более справедливо. Если девочке-инопланетянке нравится мальчик-инопланетянин, она просто подходит к нему и говорит: „Ты мне нравишься“. И это как волшебное слово. Мальчику, которому его сказали, девочка тоже сразу нравиться начинает, а если мальчик девочке не нравится, то и она ему тоже

никогда не понравится, поскольку волшебное слово произнесено не будет». («Маша и ее друзья-инопланетяне»).

Всем «по-своему несчастным» персонажам автор приготовила сказочные дары — своего рода утешительные чудеса на обочине жизни, но они же — и прививки счастья. Здесь могут «найтись» даже не рожденные и не зачатые, но кому-то очень нужные дети. Мимоходом отмечу довольно внезапную перекличку с главным японским классиком всего XX века Рюноскэ Акутагавой и его антиутопической повестью в рассказах, известной под названием «В стране водяных». А неподалеку находится более явная и очень забавная отсылка не только к Г. Х. Андерсену, но и к «Обыкновенному чуду» Шварца:

«— Я царствовать?!

— Ну не я же. У меня сила воли слабая, и вообще я сопля приморожденная, вся в отца. А правителю характер нужен» («Кай и Снежка»).

Рассказы, с самой первой «Встречи», органично включающие в себя элементы волшебства — волшебный трамвай или бассейны-порталы — чем дальше, тем больше сближаются со сказкой, вступают в ее жанровые границы: «Сказка и жизнь, они ведь на самом деле всегда рука об руку шли, только вот непосредственного контакта между нашими реальностями всё никак не случалось, лишь косвенное взаимодействие».

Обращу внимание на кинематографичность финальных произведений сборника. Например, по мотивам «Сказки про царевну Катю, царевича Васю, колдуна с колдуньей и прочих товарищей», где фигурирует проклятие не вполне пристойного свойства, так и видится хулиганский мульт в стиле «Шрэка». А каждая из трех частично фантастических повестей запросто могла бы стать эпизодом популярного сериала, тем более что и само их прочтение в спокойном темпе занимает примерно по часу времени.

При этом у читателя есть возможность наслаждаться как тонким психологизмом: «Ее лицо будто искало и не находило подходящего к случаю выражения, и от этого казалось нелепым в своей броской красоте» («Эксперимент»), так и удачными метафорами: «Солнце купалось в чуть волнующейся на легком ветру воде, но вода была все-таки холодной» («Дачный оборотень»).

А в «социальной утопии», как жанрово обозначена повесть «История вспомогательных людей», внезапный стыд за прошлое посреди рутинного разговора высекает искры исповедальной откровенности, которые освещают и сами отношения, и всё вокруг:

«— Ты прости меня, пожалуйста. Я тогда просто очень усталая была.

— Да что ты, Настя, за что прости-то? А я, по-твоему, зачем в это кафе пришел? Чтобы тоже просто по-быстрому.

— А сейчас у нас по-медленному, что ли?

— Нет, Насть, сейчас у нас по-настоящему».

Именно такой по-настоящему открытой и сердечной встречи с людьми, живущими под обложкой этой книги, я вам от души и желаю!

Александр Евсюков,
прозаик, критик, сценарист

Рассказы и сказки

Встреча

Вот такой вот вариант жизни-рая:
еду я, смотрю в окошко трамвая.
Не болит. И ничего не тревожит
(вы со мною, разумеется, тоже).
Мы листаем потихоньку пейзажи,
небо к вечеру становится краше.
Заливает весь трамвай теплым светом.
Проезжаем мы весну, осень, лето…

Из стихотворения Галины Маркус

Трамвай не подъехал, он материализовался из воздуха, а ее бабушка стояла у дверей такой, какой она ее хорошо помнила: круглолицая, маленькая, с густыми совиными бровями с проседью, в темно-зеленом пальто, на голове платок темно-зеленый в черных цветах с серебристыми вкраплениями. Двери бесшумно отворились, бабушка легко сошла по ступенькам, а трамвай растаял за ее спиной.

Людмила смотрела во все глаза. Конечно, это была ее любимая бабушка Муся, но в то же время она была совершенно другой. Да, черты лица остались теми же, но всю ее будто обновили, как стерли пыль с фарфоровой фигуры: и это пальто, которое она носила лет тридцать, и этот ее любимый поистрепавшийся платочек — все стало совершенно новым, только что купленным, и сама бабушка — розовощекая, как девчонка, с ясными, хорошо отдохнувшими бойкими глазками, здоровой бодростью в своем компактном круглом теле — словно сошла с волшебного конвейера живых игрушек.

— Я сначала хотела к тебе маленькой явиться, для смеху, — сказала бабушка Муся. — Потом подумала, что так ты можешь ведь и не понять вообще, потом думаю: может, лучше такой, как ты сейчас, вроде как мы с тобой подруги, а потом решила — нечего выпендриваться: раз была тебе бабкой, то бабкой уж и останусь. Только теперь уж такой вот хорошо промытой…

Вслушиваясь в этот родной голос, в эти хорошо знакомые слова и интонации, Людмила наполнялась радостью, и вдруг ей стало совершенно ясно, что это вовсе не сон, не сказка и не галлюцинация, а реальность, самая настоящая из всех реальностей на свете.

— БабМуся! — вскрикнула она и заключила бабушку в объятья.

Ответное объятье оказалась крепким, бабушка была явно в хорошей форме.

— Да мы все там как спортсмены, — ответила БабМуся даже не на ее мысль, а на еще неуспевшие оформиться в слова ощущения.

— Ой, а ты теперь так умеешь, — восхитилась Люда.

— Умею, — без всякого хвастовства ответила БабМуся. — Я теперь, внуча, много чего умею такого, что здесь никто не умеет.

— Тебе там вообще как, нравится?

— Ты знаешь, поначалу было непривычно. Вот мы тут думаем, что, когда что-то болит — это плохо, оно, конечно, плохо, но, когда уж совсем наоборот, когда настолько вообще ничего не болит, тоже неприятно становится, будто тебя вообще нету. Но это с непривычки, потом-то понимаешь, что так-то оно лучше на самом деле.

— А сколько тебе там лет, тридцать три, как Христу? Я на «Спасе» слышала, один священник рассказывал, что после смерти нам всем будет тридцать три.

— Да? — немного удивилась бабушка. — Не знаю, внуча, я по-научному, сама понимаешь, объяснить не смогу. Простой человек здесь про там правильно не объяснит. Чувствую я себя хорошо, и поэтому возраст неважно какой, самочувствие ведь от него не зависит, могу и как маленькая, и как девушка, и как и то и то сразу, — там это несложно совсем.

— А с грехами как? — поинтересовалась Люда.

— С грехами, — вздохнула БабМуся, — ох, боюсь, я опять всего объяснить не смогу, но почему-то там сразу понимаешь, что всех надо было простить давно, поскольку сам… Но ты же помер уже теперь… то есть еще раз родился, но уже с биографией…

— Родился с биографией, — улыбнулась Люда. — И ты деда тоже простила?

— Конечно, мне как показали… Не просто показали, а будто внутрь него засунули, чтобы я прочувствовала. Внуча, вот честно, не знаю, если бы у меня была такая тяга к мужикам, как у него к бабам, как бы я с собой справлялась…

— И меня простила? — наконец решилась спросить Люда.

— Вот тебя не сразу, — вздохнула БабМуся. — Хоть и понимала, что со мной было совсем невесело, когда у меня этот альцгеймер начался. Но все равно хотелось, чтобы ты меня любила и такой, я-то тебя все равно любила, хотя иногда и забывала, кто ты именно есть.

— Я помню, — грустно отозвалась Люда.

— Не грусти, внуча, — спохватилась БабМуся, — я тут тоже виновата. Сначала вроде как обижена была, а потом во мне взыграл этот райский эгоизм. Так со многими бывает.

— Райский эгоизм, это как?

— Да мне там потом настолько понравилось, ничего ведь не болит и все время что-то интересное рассказывают. Я как эту новую жизнь распробовала, так мне даже и неинтересно стало, как там мои дочь, зять, внуча любимая… Вот только недавно и спохватилась, и то не сама, ангел подсказал, что ты, оказывается, до сих пор переживаешь, что плохо меня терпела в конце моей жизни и иногда хотела, чтобы я уж поскорее туда… Мне так стыдно стало, когда я в твои сегодняшние мечты заглянула: как ты меня по этим современным магазинам хочешь водить, показать, как деньги теперь из автомата вылазят… Столько лет уже прошло, а ты про меня все думаешь… А я будто все еще обиженная хожу, а на самом деле просто забылась в новой жизни.

— Пойдем в магазины! — обрадовалась Люда.

И все произошло как в ее мечтах. БабМуся увлеченно взвешивала на весах то картошку, то яблоки, то помидоры, с детским восторгом ловила вылезающую бумажку-ценник и прилепывала ее на пакет. Они несколько раз сняли деньги с Людиной карты в разных банкоматах, бабушка сказала, что все-таки ей больше нравится расплачиваться живыми деньгами, а когда картой, ей кажется, что либо она обманывает, либо ее обманывают. Позвонили родным по видеосвязи, все были очень рады повидаться, отметили, что Марья Ивановна очень хорошо выглядит и жизнь на том свете пошла ей на пользу. БабМуся же как могла строго объяснила родным, что если бы они поменьше грешили, то можно было бы и им увидеться с ней лично, а так только Люде разрешили, поскольку она на текущий момент самый хороший из них всех человек. Родные обещали стараться вести себя как можно лучше, поскольку теперь им наконец-то стало понятно зачем.

Уже перед прощаньем Люда поинтересовалась у БабМуси, знает ли она что-нибудь про ее будущее.

БабМуся ответила, что этого она, к сожаленью, не знает, но если Люда и дальше продолжит быть хорошим человеком, то после того, как она умрет, они обязательно встретятся, и даже при ее земной жизни можно будет иногда встречаться, села в свой волшебный трамвай и снова перешла в мир иной.

Маша и ее друзья-инопланетяне

Вот другие всю жизнь мечтают с инопланетянами встретиться или хотя бы издалека какой неопознанный летающий объект заприметить, чтобы удостовериться — не одни мы во Вселенной. Может, и не интересны мы особо этим зеленым или каким-то там еще разумным особям, но почему-то сознание того, что в этой огромной Вселенной, помимо нас, еще множество иных вариантов, радует и даже нашу собственную жизнь малость преображает.

А вот Маша своего первого инопланетянина встретила, когда еще и думать обо всем этом не начинала, она только говорить кое-как научилась. На огороде его нашла, в капусте. Думала, что братик ее. Про связь капусты и младенцев ей уже бабушка успела рассказать. Маша страсть как братика хотела, каждое утро капустные грядки проверяла. И вот нашла его, зеленого, ушастого, с большими глазами. А он оказался ей вовсе не брат, а турист космический. Землю прилетел посмотреть, с людьми пообщаться. Но как понаблюдал за людьми, боязно стало ему в контакт входить, а вот Машу совсем не испугался.

Маша мало что могла рассказать про земную жизнь. Рассказала, что знала. Вот у нее есть мама, папа и дедушка с бабушкой, а у ее подружки Кати — мама и еще брат Саша. И почему-то и то семья, и эта семья, хоть и так по-разному. А еще в некоторых семьях живут собаки, а в других кошки. А иногда бывает, что кошки с собаками в одной семье живут, тогда они между собой не ссорятся, потому что родные. А вот чужие кошки с собаками все время ссорятся. Зеленый на это рассказал Маше, что и у них похоже, родители детей выращивают на грядках из специальных семечек. Потом у всех по-разному получается: у кого один ребенок, у кого два, а у кого и двадцать пять. Те родители, у кого много детей уродилось, делятся с теми, у кого поменьше, чтобы всем по-честному. Бабушек и дедушек выращивают из других семечек, и в каждую семью раздают по паре — одна бабушка и один дедушка. А родителей всегда по два, они сами вырастают на лугу, их никто специально не выращивает. Цветок такой здоровенный с двумя бутонами, потом, как бутоны отцветут, начинают зреть мама и папа, а когда созреют, то отрываются от стебля и бегут сеять детей и бабушек с дедушками, чтобы была настоящая, полная семья. А животные у них на планете вообще не ссорятся, поскольку все между собой родные.

***

Второго своего инопланетянина Маша встретила, когда во втором классе училась. Дежурила не в свой черед после уроков за то, что побила Пашку Колпакова, а заодно и Борьку Жмакина. Пашку — потому что нравился, а Борьку за то, что не нравился. Обидно стало. Несправедливо как-то: вот с Пашкой ей хочется на переменах бегать, после школы домой идти, и гулять вместе, и чтоб в гости к ней пришел. А он не хочет. А Борька, наоборот, даже портфель один раз попробовал у нее отнять, чтоб до дома его нести. Она не дала конечно, нельзя нести портфель, если ты не нравишься, что тут непонятного.

Вот это всё Маша и рассказала инопланетянину, которого за шкафом нашла. Точнее инопланетянке, это девочка была. Девочки такие же зеленые, правда, у них уши немного поменьше, а глаза побольше. Но чтобы научиться различать, нужно как следует присмотреться. Инопланетянка сказала, что у них похоже, но более справедливо. Если девочке-инопланетянке нравится мальчик-инопланетянин, она просто подходит к нему и говорит: «Ты мне нравишься». И это как волшебное слово. Мальчику, которому его сказали, девочка тоже сразу нравиться начинает, а если мальчик девочке не нравится, то и она ему тоже никогда не понравится, поскольку волшебное слово произнесено не будет.

***

С третьим инопланетянином Маша встретилась, когда в третий раз в театральный институт не поступила. Он в сквере в фонтане вместе с пьяными студентами на самом виду у всех купался, но почему-то только Маша его и заметила. Она поделилась с ним своей неудачей. Мол, видно, нет у меня таланта, но тогда откуда же желание, несправедливо.

Зеленый сказал, что у них иначе. Если желание есть, значит и талант тоже прикладывается. Зачем же желание без таланта, это же какой-то недокомплект получается. А на их планете всё у всех правильно укомплектовано в плане желаемого и возможного, поэтому все счастливы.

***

С четвертым инопланетянином, которая тоже инопланетянкой была, только в этот раз женщиной взрослой, Маша познакомилась, будучи беременной. Она очень боялась рожать, столько всяких страшных историй слышала, вдруг или сама умрет, или ребенок умрет, или еще что… Ведь всякое может случиться. Инопланетянка сказала, что если бы у них так было, то вообще никто бы не рожал. Тогда Маша удивилась и рассказала, как ей в детсадовском возрасте другой инопланетянин про грядки и семечки говорил. Инопланетянка рассмеялась и объяснила Маше, что тот инопланетянин понял, что Маша маленькая, и рассказал ей сказку. На самом деле у них это похоже на то, как у нас, но только рожают все весело. Как время подходит родить, муж садится рядом с женой и начинает ей смешные истории рассказывать, а жена начинает смеяться, и как ей становится совсем смешно — тут ребенок и рождается, и тоже смеется, а не плачет. Потому что они вообще не плачут, поскольку не из-за чего, всё хорошо у всех.

***

У Маши сын плохо учился, и она расстраивалась. Даже плакала. Поскольку сама всегда отличницей была и в школе, и в институте, и на работе в бухгалтерии тоже почти не ошибалась. Инопланетная мама к ней из духовки вылезла, когда Маша туда курицу поставить хотела. Рассказала ей Маша про свою беду. На что инопланетянка, естественно, сказала, что у них всё по справедливости и чтоб никому не обидно. Следующее поколение умнее и талантливее предыдущего поголовно, чтоб родители на детей радовались, а не огорчались. Нельзя, чтобы мамы расстраивались, мамы всегда должны быть веселыми, чтобы всей семье было весело.

***

Машин сын вырос и женился, а с невесткой у Маши отношения не сложились, поэтому внуков она редко видела. И еще она пополнела и стала не такая красивая, как была раньше, и от этого расстраивалась. У Машиного мужа любовница появилась, хотя он и говорил, что это неправда. Утешать Машу прилетела целая компания инопланетян, на ее дачном участке тарелка прям и приземлилась. А Маша-то думала, что она теперь одна и никому не нужная. Зеленые громко возмущались этой несправедливости, потому что у них на планете, во-первых, пара до конца вместе и жена для мужа самая красивая и зеленая, и дети тоже тут недалеко, даже если взрослые уже, и невестки со свекровями никогда не ссорятся, как и кошки с собаками, потому что все вокруг добрые и только добра друг другу желают.

***

Муж Маши с любовницей наконец-то расстался, все-таки решил, что Маша лучше, хоть и не новая уже. И невестка тоже к Маше потеплела, и внуков Маша стала видеть часто. Но здоровье Машу стало подводить. А потом здоровье стало таким плохим, что Маша поняла: немного ей на земле жизни осталось, и ей стало совсем грустно. Все-таки неплохая была у нее жизнь, и муж вот на старости лет образумился, и сын получился замечательный, хоть и отличником никогда не был, и невестка неплохая, и внуки так ее любят.

Позвала Маша своих инопланетян и попросила, чтоб привезли они ей со своей счастливой планеты, где всё так хорошо и по справедливости, немного здоровья, чтоб увидеть, как внуки вырастут. Инопланетяне расстроились, они ведь так Машу полюбили, что решили, после того как она на земле умрет, забрать к себе на планету, оживить и сделать инопланетянкой. Долго уговаривала их Маша, в конце концов, согласились они дать ей здоровья еще на двадцать лет, но сказали, что потом уж точно заберут, как бы она ни просила. Прожила Маша эти двадцать лет, похоронила мужа, вырастила внуков и даже на правнуков успела посмотреть. А потом все-таки умерла и стала самой красивой и зеленой инопланетянкой.

Куда уводят мечты

Студеное бесснежье черной зимы за окном, и перспектива поездки в Мытищи к Тосе. Последний раз Марина у нее полтора года назад была, в конце июня, кажется. В солнечном пруду тогда утки бултыхались, толстые и счастливые мытищинские утки. В какой-то момент и подругам стало весело, и даже почти счастливо…

***

«Такая высоченная!» — это первое, что подумала Марина, когда столкнулась с будущей подругой на лестничной площадке. Ей было тринадцать, а Тоне шестнадцать. Тогда это казалось существенной разницей. Марина не думала, что может вызвать интерес у такой взрослой девчонки. Однако вызвала. Со стороны Марина казалась замкнутым подростком, но это было не совсем так. Просто до встречи с Тосей ей больше нравилось наблюдать: за одноклассниками, учителями, соседями, прохожими на улице, а еще фантазировать долго и запойно. В фантазиях с Мариной происходило множество событий, сюжетная линия ее внутренней жизни была похожа на бесконечный молодежный сериал с большим количеством персонажей, все они были вымышленными, и сама Марина, в этом сериале живущая, тоже была вымышленная, а не такая, какая есть. В реальной жизни Марина неплохо училась, была у нее пара одноклассниц-приятельниц, с которыми она в основном сериалы обсуждала, реже книжки. Свой собственный «внутренний» сериал она никому не рассказывала. А вот Тосе рассказала, само собой вышло, даже складно получилось.

— И это всё в тебе живет? — поразилась соседка. — Они же почти как живые.

— Да мне иногда тоже так кажется, — призналась Марина. — А вдруг они и правда есть, только не тут, а в параллельном мире, и я там тоже есть, а это трансляция оттуда. Ну как жизнь, только не беспрерывно идет, а будто периодически экран включают — и пошло. По желанию, правда, можно одно и тоже несколько раз пересматривать, если нравится очень. А у тебя так не бывает?

— Неа. Иногда я могу, конечно, что-то додумать про книжку или фильм, или будущее себе нафантазировать. Но чтобы настолько глубоко в это погружаться…. Нет, я так не умею… — она замолчала, пытаясь нащупать зарождающуюся мысль. — Хотя, знаешь, а вообще здорово так уметь, как ты, не совсем понимаю, зачем это надо, но это здорово!

***

Нет, Тося была лучше тех подружек, с которыми Марина дружила в своей параллельной реальности. И потом они там, а Тося здесь, в любой момент зайти можно, поговорить обо всем. Они одни и те же книжки в одно время читали, несмотря на разницу в возрасте. Тося тоже фантазировать начала, про Марину. Ей героини из книжек в облике младшей подруги представлялись, даже если внешность была у них другая: Мэгги из «Поющих в терновнике», Анна Монс из «Петра I», когда она еще юная, в платье воздушном на лодочке каталась и Петру не изменяла, ну и Наташа Ростова до замужества.

В Тоське было больше ста восьмидесяти, и размер обуви сорок первый. Руки большие, но красивые, пальцы длинные, запястья не тонкие, но выглядели как тонкие. Пропорциональна она была очень в своем великанстве, как скульптура гигантская. Но вокруг-то все поменьше, и это Тосю расстраивало. В модели ее не тянуло, и вообще, ее представления о внешней красоте никак не соответствовали ее собственной внешности. Тоська считала, что девушка должна быть такой, как Марина, маленькой и хрупкой, и чтоб глаза большие, и голос нежный, а не такой, как у нее, суховато-скрипучий. Поэтому у младшей подруги и жизнь должна быть яркая, необычная, а у нее — как получится, главное, чтоб хоть как-то, но получилось.

— Ерунда! — уверенно говорила Марина. — Ты классная. И тебя полюбят именно вот такой, большой и классной. Я знаю, я наколдую тебе.

— Наколдуешь? — рассмеялась Тося. — Это как?

— Увидишь.

***

Дима из соседнего дома запал на нее сразу. В очереди стояли вместе, он еще и лица-то ее не видел, а уже. А когда она обернулась… Дима раньше не верил, что так бывает. А Тоська… Ну, а что Тоська, других-то поклонников не было. Стали встречаться, в гости друг к другу ходить, целоваться у подъезда. Только Тоська, к удивлению Марины, от этого счастливой не стала, а впала в недоумение.

— Марин, да я, когда с ним целуюсь, сгибаюсь в три погибели, над нами уж все бабки подъездные смеются…

— Да это ж ерунда. Пусть смеются, а ты счастлива с ним будешь.

— Да не буду я с ним счастлива, я даже представить себе не могу, как у нас с ним это может быть…

— А ты попробуй, может, понравится.

— Да я даже пробовать не хочу. Меня к нему вообще не тянет. Нулёво, понимаешь?

— Почему? Он же симпатичный.

— Совсем не то. Я когда с Мишкой, что в армию ушел, по пьяни, по приколу целовалась, и то лучше было. Но я тогда не решилась дальше, мне ж четырнадцать было, а он в армию уходил, но захотелось прям… А тут вообще не хочется, хочется только, чтоб скорее закончили и по домам.

— А ведь это я тебе его придумала, — призналась Марина.

— Что ты несешь? — на этот раз рассердилась Тося.

— Это правда. Ты знаешь, эта параллельная реальность — не такой уж бред. Мне подругу хотелось настоящую. Я их выдумывала разных, или они сами выдумывались, не знаю. Это не суть. А потом появилась ты, как воплощение их всех в одном. Может, поэтому и большая такая.

— Я тебя сейчас убью!

— Не убьешь. Ты большая и добрая. Мне захотелось кого-нибудь для тебя выдумать. Я внешность немного другую рисовала, но ты понимаешь, когда переход из параллельной реальности осуществляется, возможны некоторые деформации. Ну, прости, что он маленьким получился.

— Марин, ты что, реально веришь в эту байду?

— Конечно. Я ж так старалась, выдумывала. Я прям как будто к нему в глаза залезла, учила его смотреть на тебя, чтоб все твои достоинства видеть.

— Подожди, подожди… Вот почему он мне иногда девочкой-то кажется… Теперь понятно… — хихикнула Тося.

— Ну, может, поэтому действительно, — на полном серьезе согласилась Марина. — Я этого не учла.

— Выдумщица ты, — вздохнула Тося. — Но все равно спасибо. Извини уж, не тот Грей вышел. Ты, Мариш, лучше себе там рисуй-придумывай, а я уж как-нибудь сама.

***

С Димой Тоня рассталась. Потом у нее еще два парня были. Марине они меньше нравились, чем Дима, но она все равно их одобрила, поскольку они Тоську любили. Но Тоська с одним из них тоже не захотела, а с другим ей вообще не понравилось. А потом Тоське исполнилось девятнадцать лет, и она почему-то решила, что это уже много, и вышла замуж. Вот уж кто совсем не понравился Марине, так это ее муж, когда еще женихом был. Но Тоська никого

не слушала. После свадьбы молодожены уехали жить в Мытищи. Там Вовику, так мужа Тоськиного звали, квартира досталась от бездетной тетки. Он еще говорил, что молодец она, тетка его, и при жизни особо родне глаза не мозолила, и умерла к нужному моменту. Марина решила, что он тварь полная, но Тоське об этом, конечно, не сказала, поскольку подруга уже беременная была, и Марина стала выдумывать-рисовать для себя. Долго рисовала, тщательно…

***

Снег догнал ее в электричке. Сначала мелкие, редкие крупицы, потом их стало в разы больше, а в Мытищах небо и вовсе расщедрилось, отплатив сполна за унылую стылость последних недель. И ветер стих, и не холодно совсем, и к Тосе ей идти уже почему-то не хотелось.

***

Прям такой же, что полтора года назад, и десять лет назад, и в день свадьбы тоже. Красивый, складно упитанный и очень громкий. Тоськин муж во главе стола заседает, руками машет — указания раздает, Тоська еще и не присела, наверное. В собутыльники выбрана Марина, она хоть и женщина, но все ж статус выше, чем у жены, поскольку гость. Младший сын где-то у ног с котом и машиной-вопилкой, что Марина привезла. Через пятнадцать минут уж пожалела, что подарила, больно звуки истошные. Но Ваньке нравится, остальные будто и не слышат, привычные, даже кот не реагирует.

— Да нормуль подарок, Маришк, не комплексуй, все равно с такой эксплуатацией батарейки больше трех дней не протянут. Тоськ, ну че ты там все мельтешишь, вовремя ж надо готовиться к гостям-то, а ты вечно зависнешь, а потом суетишься, как деловая, знаем мы твою деловитость, не выпендривалась бы уж.

— Ну, подрезать-то вам надо под вино?

— Надо. А может, и не надо. Может, мы с Маришкой так, из горла прям, без закуси, постуденчески, а, Мариш? Давай из горла?

— Совсем, что ли… — Тося неодобрительно расширила на мужа глаза.

Марина почувствовала, как с ее ноги медленно сполз тапок, а в следующее мгновенье из-под стола, захлебываясь смехом, выскочил Ванька с добычей в руках и унесся в дальнюю комнату. Тут же самопроизвольно включилась и завопила пожарная машина, что осталась под столом. Тося и Марина вздрогнули, старый рыжий кот, растянувшийся в дверях кухни, только слегка повел ухом. А глава семейства рассмеялся так, что даже пожарные вопли перекрыл.

— Эй, говнистый ты мой, — выкрикнул он, все еще давясь от смеха, — верни тапок!

— Сам гнистый! — раздалось в ответ. — Я его спрятал!.. — и смех опять взахлеб.

— А я твою машину спрячу и не отдам!

— А мне ссать!

— Ваня, прекрати! — вмешалась Тося. — Иди, сюда быстро, с тапком!

— Так он и придет, нету у тебя авторитета, нету. Не уважают тебя дети…

— Тебя уважают…

— А я что, мое дело зарабатывать, твое — воспитание.

— Я тоже работаю.

— Ну да, кто-то работает, а кто-то зарабатывает. А кто-то ни то, ни…

— Уберите от меня это говно! — донеслось до них из дальней комнаты.

— О, старшенький голос подал, — всплеснул руками Вовик, — уважил наконец-то. — А то мы уж путаться начали, есть ты или… —

— Я сказал, уберите его! Дальше послышалась возня, и чуть погодя рев младшего.

— Ну вот, как обычно, — с каким-то непонятным ехидством констатировал Вовик.

Тося резко встала и пошла к детям. Через несколько мгновений раздался ее жесткий шепот. Что именно она говорила, было неслышно, но после оба сына вышли из комнаты и уже вели себя как люди.

***

Они стояли на уже почти утонувшем в снегу мосту и курили Маринины тонкие сигареты, не веря, что наконец-то остались одни, и молчали, готовясь рассказать друг другу всё, что нельзя было сказать при Вовике.

— Ну, вот так я и живу! — наконец выдала Тося.

Марина вспомнила, что летом она, кажется, начала с того же, а потом рассказала про любовника-соседа и любовника-сотрудника. Снег в низких ветвях налепился так, словно это утки сидят, калачиками свернулись, греются. Или этим снежным уткам и холодно не бывает, или они отражение тех летних, из другой реальности?..

— О чем ты думаешь? — спросила Тося.

— Так, ересь всякая… Давай рассказывай, кто на этот…

Тут забулькал телефон Тоси.

— Да. А… Ну, я попробую. Ага. Можно. Ага.

— Мариш, прости ради Бога! Это как раз тот самый, про кого я рассказать тебе хотела. У нас с ним не было еще. Вот сейчас возможность есть. Мы ж вроде как на часик погулять пошли. Так нам с ним часика в самый раз…

У Марины вдруг возникло зыбкое, странное чувство, будто всё это какой-то мираж: сизые сумерки и пухлые сугробы вокруг, поспешно извиняющееся лицо подруги в окаймлении скомканного меха капюшона.

— Мариш, ну совпало так, не могу ж я совсем без радости-то, с этим поганьем постоянно, в едином пространстве. А тут хороший мужик, женатый, конечно… Иначе-то не выходит. Ну, Мариша! Ну, пойми!

— А, да, да, конечно, — отмерла Марина.

— Точно не обиделась?

— Да ты что…

И Тоська, подпрыгнув, как ребенок, которому разрешили то, что позарез хотелось, — куда только вся ее здоровенность подевалась — быстро чмокнула подругу в щеку и побежала к месту свиданья…

***

Электричка новая, чистая, сиденья ярко-синие, будто праздничные. «Устроить праздник души и тела», — корябнуло жестко и зло по сердцу, но тут же стихло. В темноте окон отражаются вечерние пассажиры и среди них Марина в расстегнутом бардовом пальто, волосы чуть взлохматились, подняла было руку поправить и тут же передумала, откинулась на спинку сиденья, вспомнила про Тоськин прыжок и чуть заметно улыбнулась… Ехать бы и ехать, но быстро так от Мытищ до Москвы.

***

Еще и чайник не успел вскипеть, как позвонила Тося.

— Ну и как?..

— Да хоть смейся, хоть плачь! Наказанье мне, Марин. На кого подругу сменяла. Прям открытие какое-то. Чудеса природы прям… или, скорее, ее издевательства. Мне даже жалко его стало, человек-то неплохой…

— Ну… не расстраивайся.

— Кстати, ты моего-то недоумка хорошо упоила, спит как убитый, хоть поговорить можно. Ребята тоже успокоились. Мариш, ну ты меня не осуждаешь хоть?

— Да брось ты…

— Я правда так повидаться хотела. Совпало просто, как назло. Мариш, вот как ты так можешь… Я, конечно, понимаю, после Дениса… Но ведь столько времени прошло… Я тогда помню, после свадьбы вашей что-то со мной сделалось, за тебя рада ужасно, а за себя так тошно… И я неделю спустя в первый раз Вовику-то и изменила… Со злости, наверное, на себя и на него. Даже не почувствовала ничего с тем, как уж его звали-то… а, Гриша.

— Ты мне об этом не рассказывала.

— А зачем? У тебя всё так хорошо тогда было, будто не по правде, как в детстве раньше говорили…

— Да мне иногда самой теперь кажется, что не по правде, — странно усмехнулась Марина. — Вот если бы его вообще не было, я бы, наверное, умерила себя, подстроилась под кого-то. Да и если бы мы долго вместе были, наверняка возникли бы сложности. Может, сейчас скандалили вовсю или развелись уже, или бы я, как ты…

— Нет, как я, ты бы не смогла, я знаю.

— А я не знаю…

— Ты бы в таком случае развелась… Мариш, а я как разведусь-то… Зарплата у меня маленькая. Не получается, чтобы на большую, один болеет всё время, у другого двойки… Этот в воспитании совсем не помощник, а иногда будто вообще враг. Ты видела. Нормальным мужикам нравлюсь, только они женатые все, не женатых что-то не встречаю… Но дети-то у меня не совсем плохие ведь? Они ж нормально себя потом вели, да?

— Да замечательные у тебя дети.

— Спасибо. Знаешь, а я тут недавно вспоминала эти сказки твои про параллельную реальность, подумала, может, у меня так всё потому, что я мало мечтала…

— Зато я, видать, много… Тось, ну я ведь тоже не святая. Потом, как отстрадала, пробовала ведь несколько раз, и с каждым надо было в чем-то себя переломить. И это нормально даже, а вот с Денисом этого не надо было совсем, или мне так только казалось. Теперь уж не узнать.

— Но Денис был действительно очень хороший… Вот сколько раз я раньше вот так, не задумываясь, пробегала под карнизами, чтобы срезать, чтоб побыстрее. Теперь шарахаюсь от них как можно дальше и детям постоянно твержу…

— А я одно время специально под ними ходила, там, где огорожено и нельзя. А потом, знаешь, откуда-то такое четкое осознание пришло — бесполезно, ничего на меня не упадет.

— Ты мне об этом не рассказывала.

— Зачем? У тебя своя жизнь… И помочь мне ты ничем уже не могла…

Они замолчали на пару мгновений.

— А ведь ты и его тоже, перед тем как встретить, тоже придумывала… Так ведь? — вдруг спросила Тося.

— Ну да, наверное… Давно это было. Я не знаю уже…

— Зато я знаю… Теперь я тебе спроецирую так, чтобы на всю оставшуюся жизнь. Без подвоха. У меня опыта-то побольше будет.

— Господи, Тось, ты серьезно?

— Конечно. Так что жди подарков от параллельной реальности. И даже не вздумай сомневаться!

— Ну хорошо, хорошо, — рассмеялась Марина. — Как же я тебя все-таки люблю.

— И я тебя, встречаться надо чаще и в мыслях тоже друг друга не терять.

***

«„Чтобы на всю оставшуюся жизнь“, а ведь я действительно не придумывала нам жизнь, Денис. Мне просто любви хотелось, чувства… И появился ты… А что будет потом, через десять, пятнадцать, двадцать лет… Я же почти не думала об этом. Может, поэтому тебя так быстро и забрали с помощью той роковой сосульки… Может, если бы я тогда… Может… Неужели я опять начинаю верить в эту байду?!»

Призрак праздника

Кира не рассчитала время и приехала намного раньше положенного. Центр Москвы только просыпался. Машина со щетками основательно приводила в порядок тротуары, на углу здания Госдумы стояли двое грузных расслабленных полицейских, вся Тверская была украшена импровизированными клумбами из невысоких живых ёлок, пахло хвоей. У подъездов Дома Союзов тихие мужички в серой униформе убирали мусор, еще никого не впускали внутрь. Кира решила немного прогуляться и оказалась в своем любимом Камергерском переулке. Он был пуст и по-особенному ярок. В новогоднем убранстве превалировал красный цвет, но здесь это совсем не раздражало, не казалось чрезмерным, наоборот, создавало некий праздничный уют. За каникулы она успела оценить множество вариантов новогоднего украшательства домов и улиц, но почему-то именно здесь праздник наиболее полно и ясно отозвался в ней.

Она не спеша рассматривала витиеватую гирлянду на одной из ёлок, как вдруг услышала:

— Спасибо, что почувствовала меня.

Кира обернулась, на скамейке сидел высокий кудрявый парень в расстегнутой красной куртке, цвет которой с точностью до оттенка совпадал с цветом скамейки. Под курткой на нем был коричневый мягкий свитер, идеально сочетавшийся с цветом глаз и волос, на свитере несколько темно-зеленых вставок, джинсы и обувь тоже — в коричневых тонах. Вроде бы ничего особенного, но вся гамма его одежды и он сам настолько явно гармонировали с окружающей обстановкой, что такое совпадение казалось невероятным.

— Напомни фамилию, пожалуйста, — Кира решила, что это один из студентов ее факультета, тоже пришедший на мероприятие раньше и сейчас коротающий время, любуясь Камергерским.

— У меня нет фамилии, — ответил он. — Праздникам не дают фамилий.

— Что? — Кира решила, что парень хочет ее разыграть и надо быть осторожной, не терять лица, вдруг он все-таки с их факультета, а она еще преподаватель неопытный и не сильно авторитетный. — И что же ты за праздник? День студента, наверное? Скоро пойдем на мероприятие, не забыл номер подъезда?

— Нет, нет, — он замотал головой. — Я не из однодневных, я продолжительный. Меня сначала ждут, потом встречают, а потом начинают тяготиться…

— Аааа, — поняла Кира, ей стало весело, и своеобразный молодой человек почему-то совсем не пугал, его фантазии казались весьма логичными и даже какими-то близкими ей. Он чуть подвинулся, предлагая жестом сесть рядом с ним. И Кира села.

— Значит, ты Новый год? — усмехнулась она. — Вот такой вот молодой и красивый.

— Ну да, — легко согласился парень. — Зима в этом году бесснежная, теплая, будто и не зима вовсе. Вот поэтому и я такой… эээээ… легкомысленный немного, нетипичный.

— Ты из театрального, что ли? Творческое задание выполняешь? Хорошая идея, мне нравится, прям поверить хочется, — рассмеялась Кира.

— Вот и поверь, — совершенно серьезно, глядя ей прямо в глаза, ответил Новый год.

— Вот сейчас вообще шикарно, сто баллов, — восхитилась Кира.

Парень отвернулся от нее, будто обидевшись.

— Ты чего? — не поняла Кира.

— Ну зачем же так? — тяжело начал он. — Зачем упрощать. Сразу подхватывать первое попавшееся рациональное объяснение? Ты же на самом деле совсем не такая.

— А какая я? — удивилась Кира.

— Очень добрая и главное — открытая чуду, — тихо сказал он.

У Киры к глазам подкатили слезы, и совсем расхотелось играть в угадайку. Кто бы он ни был, придуманная им затея была настолько трогательна и чиста…

— Ладно, Новый год, — сказала она примирительно и встала со скамейки. — Я в тебя верю. Но мне уже пора на мероприятие в честь «Дня студента», мои уже, наверное, подгребли. Приятно было познакомиться, — она даже хотела протянуть ему руку, но в последний момент передумала.

— Думаешь, если я окажусь чересчур осязаемым и теплым, ты перестанешь верить? — угадал он.

— Да, — честно призналась Кира.

— Тогда не надо. Хотя это ничего не доказывает, правда, материальность я начну терять, когда станут разбирать ёлки.

— Да их наверняка до середины февраля продержат, — успокоила его Кира.

— Значит, у меня еще есть время, так уходить не хочется. Я тоже очень рад нашему знакомству.

— Тогда хорошо провести оставшиеся до демонтажа праздника дни, — пожелала Кира. — Ну, я пойду…

Она прошла несколько шагов, потом обернулась, на скамейке никого не было, по переулку уже шли люди. А были ли они во время их беседы? — Кира не могла вспомнить. Она посмотрела время на телефоне, теперь нужно было уже спешить…

У подъезда толпились студенты и преподаватели. Ее группа была уже почти в полном составе, она вынула списки, чтобы сверить присутствующих. Студенты обступили ее, толкаясь и хихикая. Кира быстро ставила плюсы у фамилий, и вдруг кто-то из стоявших сзади наклонился к ее уху и прошептал: «Кира, мы и в следующем году встретимся, и, возможно, я даже понравлюсь тебе еще больше, смотря какая зима выпадет», — она вздрогнула и оглянулась. Но оказалось, что там стоят девочки, почти никогда не улыбающиеся, строгие, серьезные близ-

няшки Инна и Нина. Кира обвела взглядом толпу — только знакомые лица студентов, даже несколько заядлых прогульщиков пришли…

— Прозоров тут, — зам. старосты группы уже тыкал коротким ушибленным пальцем в ее список, — а Охреева заболела. Ага, так и напишите: заболела, 38.4.

— Зачем такие подробности? — очнулась Кира Александровна. — Ладно, ребят, явка у нас хорошая получилась. Проходим теперь по очереди, спокойно, не толкаясь. С праздником вас… С днем студента… — чуть слышно добавила она.

Муравейник

Запахи сухого осеннего леса. Сначала только запахи. И шорох чьих-то шагов. Маленьких шагов, неуверенных. Старые кроссовки бело-синие, потертые, шнурки — носик у одного оторвался. Завязано намертво, не научилась еще, как развязывать-то потом… Здесь все желто, без красного. Нереально, лимонно, будто картина такая странная и она в ней. Чихнула, что ли, слегка, и четче стал пряный запах, осенний, и листья более привычные уже, с крапинками коричневыми на тропинке и на деревьях вокруг. Мальчик какой-то сидит на корточках в куртке зеленой… Обернулся. Узкое лицо с большими серыми глазами, бледные веснушки. Нет, она с ним не знакома:

— Варь, вот здесь, смотри!

— Кто ты?

— Не знаю. Ты лучше смотри, просто смотри. Вот сейчас.

Большой муравейник, высокий. И оттуда из маленьких дырочек вылезают зеленые муравьи.

— Зеленые? Так не бывает. Неправильно нарисовали.

— Они не муравьи. Внимательно смотри. Подставь руку, только осторожно.

Варя садится на корточки, подносит руку к муравейнику. На кончики ее пальцев начинают забираться муравьи, только почему-то идут они на задних ножках. Да даже не идут, а шагают, уверенно так.

— Подожди, пока до ладони дойдут, а потом поднеси поближе к глазам.

На ее ладони выстроились человечки в одинаковых зеленых костюмах. Но почему человечки? Люди. У них разные лица: есть старые, есть молодые, есть совсем дети — трудно разглядеть, мелко очень и сдунуть страшно.

— Ну всё, отпускай обратно, они не понимают… Думают, это игра такая.

Варя осторожно опустила руку, и маленькие люди в зеленых костюмах вновь по ее детским пухлым пальчикам вернулись в свои дырочки-квартиры.

Убедившись, что точно никто не остался, даже самый маленький, Варя убрала руку и встала.

— Здорово! А они разговаривают?

— Не знаю. Просто… Скажи, а тебе не захотелось в какой-то момент всех их сжать? — спросил мальчик.

— Нет, — испуганно выпалила Варя. — Честно, нет…

— Я знаю, — улыбнулся мальчик. — Ты бы никогда не сжала, ведь ты моя мама.

— Я мама? Твоя? Как это?

— Да я сам только что это понял…

***

Варя редко запоминала свои сны, но этот из детства остался в ее памяти навсегда. Она поверила в него и ждала… Ждала, что сбудется. С Вадимом она познакомилась, еще будучи школьницей, он ей сразу понравился своей уверенностью, широкими плечами и обаятельной для нее, грубой небрежностью в речи. Они поженились сразу, как ей исполнилось восемнадцать, и были счастливы пять лет, пока не выяснилось, что у Вари вообще не может быть детей. А Вадиму детей очень хотелось и хотелось именно своих, другие варианты не обсуждались. Он объяснил это Варе, и она не смогла с ним не согласиться, ей казалось, что он всегда и во всем прав.

Они развелись, и Вадим женился второй раз, потом третий и четвертый. В третьем браке у него родилась дочь Лена, но с ее матерью он не смог жить дальше. Да он вообще ни с кем

не мог сосуществовать долго, кроме Вари. Характер у Вадима был еще тот. От женщин, без исключения, он ждал в лучшем случае понимания, в худшем — молчаливого согласия, но никак уж не мнения, которое хоть в чем-то не совпадает с его собственным. Их мнения всегда неприятно его поражали; даже если в них и присутствовало нечто здравое, слушать не хотелось. В профессиональных делах было проще. Проблем он не боялся и довольно быстро их разрешал, что помогло ему сделать неплохую карьеру и стать относительно богатым человеком. Но с личной жизнью никак не ладилось. Варю он никогда не забывал. И он, и она рано потеряли родителей, и это сблизило их на каком-то ином, родственном уровне. Варя всегда знала: случись что, Вадим никогда не бросит ее в беде, и действительно Вадим не то что в беде… Возникни у Вари хоть какая-то маломальская проблема, тут же появлялся рядом, и в кратчайший срок всё вставало на свои места. Он устроил ее на работу в крупную контору на должность, где ей было спокойно, осуществил обмен ее квартиры на квартиру в более благополучном районе, да и вообще по ерунде — кран потек, нужен ремонт, труба засорилась, с коммунальными счетами что-то напутали… И неважно, была у него в этот момент семья или нет. Выглядело это примерно так: Варя звонила ему и робко, смущаясь, рассказывала, что случилось. Вадим слушал и улыбался, для него это было как музыка, без которой жизнь становилась никчемным тухляком. Выслушав до конца ее сбивчивую речь, он говорил: «Не ссы, прорвемся, скоро буду». И все ее тревоги вмиг затихали, и на душе становилось легко. Жёны Вадима к ней не ревновали, считая за никчемную, неспособную ни на что родственницу, которая по нелепости когда-то давно была его женой. Как же они ошибались… Варя была единственной женщиной, которую он любил, хотя ни разу не спал с ней после того, как они развелись. Вадим был убежденно нравственным человеком и, сидя на ее уютной кухне, любуясь ее чистой, белой кожей, трогательными завитками на висках и ямочкой только на одной щеке, мужественно давил в себе желание, считая, что это будет неправильно. Он не то чтобы совсем не замечал, что она полнеет и стареет, но от этого она не становилась для него хуже.

— Эх, Варька, вот только ты одна и была в моей жизни правильная баба, — говорил он ей, вздыхая.

И в эти минуты Варя была счастлива, и для нее не существовало лучшего признания в любви. Он остался для нее единственным мужчиной на всю жизнь, с кем-то другим она себя даже представить не могла.

А потом Вадим умер в одночасье от инфаркта, и для Вари рухнуло всё. Она не понимала, как и для чего ей жить дальше. Вскоре после этого ее мягко, но настойчиво спровадили на пенсию из той самой конторы — нужно было освободить место для чьей-то молоденькой племянницы. Катастрофы в этом не было, Вадим оставил Варе деньги на счете, и она могла на них жить совсем неплохо, но она совершенно не понимала зачем. Ей стукнуло 56, и у нее не было никого близкого. Будучи человеком робким и замкнутым, Варвара так и не смогла нажить себе настоящих друзей. Были, конечно, приятельницы, сейчас уже дамы в возрасте, обремененные заботами о детях и внуках. Немногочисленные родственники тоже вспоминали о ней только по праздникам. В первый раз в жизни Варвара Александровна со всей беспощадной очевидностью поняла, что никому не нужна. Раньше она чувствовала, что нужна Вадиму, несмотря на то что они уже давно не были мужем и женой. Она знала, что, если бы не она, ему было бы совсем одиноко, ее слабость и почти детская беспомощность давали ему силу, чтобы жить и побеждать. А кому теперь нужна ее слабость и беспомощность…

Оказалось, что нужна. Неожиданно позвонила двоюродная сестра из Новгорода с просьбой приютить ее сына, только что окончившего институт и желающего поискать работу в Москве. Варя обрадовалась. Илюшу последний раз она видела лет 10 назад, на поминках их общей с сестрой бабушки, он был худеньким четырнадцатилетним подростком с лохматой сальной шевелюрой и слегка оттопыренными ушами, смешной такой, застенчивый. Взрослый Илюша оказался совсем иным. На вид ему можно было дать все тридцать, румяный, морда-

стый, коротко стриженный, с хитрым прищуром серо-зеленых глаз, и уши его, благодаря раздавшейся физиономии, теперь не казались оттопыренными.

В квартире «теть Вари» он сразу почувствовал себя как дома. С хозяйкой не церемонился и периодически стрелял у нее то пятьсот, то тысячу, и не думая отдавать, объясняя это тем, что ей, пожилой женщине, деньги-то не особо нужны, а ему, молодому, без них никак нельзя, пока работа по душе и призванию не нашлась. Работа что-то долго не находилась, зато находились друзья, с которыми он любил сидеть на ее кухне с пивком до глубокой ночи, а то и до утра.

Варя ютилась у себя в комнате. Раньше эта комната была гостевая, Варя спала в другой, той, что с балконом. Она очень любила сидеть на застекленном Вадимом балконе и смотреть на верхушки деревьев: то зеленых, то желтых, то голых. Она любила эти деревья. И несмотря на свою вроде бы не удавшуюся жизнь, ей хотелось жить дальше, приходили на ум строчки из Есенина: «Знаю я, что в той стране не будет // Этих нив, златящихся во мгле». А у нее не будет этих верхушек лип, берез и старого дуба… Илюша отнял у нее даже такую малость, поскольку ему нужно было комнату попросторнее и курить на балконе. Но она не обвиняла его, а корила себя за то, что не может принять его в своем сердце если уж не как сына, то хотя бы как близкого родственника, что ничего он в ней, кроме раздражения, не вызывает, а деньги… Да зачем они ей действительно… Ничего ей не нужно. Жалко только, что ей лишь пятьдесят шесть, а не восемьдесят, и со здоровьем всё по большому счету нормально, в отличие от многих ее знакомых ровесниц. «А-то умерла бы по-быстрому, квартиру бы ему оставила, хоть какая-то польза», — думала Варя.

Один раз ранней осенью она поехала в гости к бывшей коллеге в Подмосковье, у той был хороший, крепкий дом, дочь, зять и три внука, муж два года назад ушел к молодой.

— Да и слава Богу, что ушел, молюсь, только бы не вернулся, — делилась с ней приятельница. — Никогда его не любила, всю жизнь мучилась. Мне с детьми намного лучше. Дочь вот только расстраивается немного, а я ей говорю: я не переживаю — и ты не переживай! Зачем нам этот старый кобелина, нам и без него весело.

Чужая веселая жизнь лишила Варю последней воли. Когда она вернулась, Илюша не пустил ее, удержав в прихожей.

— Теть Варь, — начал он шепотом, — будь человеком, погуляй полчасика, девушка у меня…

— Но, но я тихонечко в комнате посижу, — зелепетала обескураженная Варя.

— Теть Варь, так не пойдет, такой момент, понимаешь… Не спугнуть бы… Ты не представляешь, кто ее отец… Теть Варь, судьба у меня решается… — и почти вытолкал ее за дверь.

Ей было некуда идти, и она пошла к нему.

***

Памятник был отличный и портрет отличный, Вадим Александрович был на нем словно хара́ктерный артист, в костюме и при галстуке, взгляд решительный, можно даже сказать, героический, черты лица благородны, лоб высокий и волосы так аккуратно, но не лощено лежат.

— Красивый ты у меня, — тихо сказала Варя. — Какой же ты у меня красивый! Ну как же ты мог, как же ты мог меня оставить, Вадька, — она вздохнула. — Предатель ты мой любимый. Да, предатель. Ведь знал же, что не смогу я без тебя жить, сопля я старая. Да еще этот нахал… Для чего мне это всё? А-то я раньше не знала, что тряпка бесхребетная, зачем мне это еще и доказывать, как теорему. Зачем, Вадь? И ты тоже хорош, хоть бы воспитал меня как-то, что ли… Время-то было… А ты только улыбался и помогал во всем. Может, не надо было мне помогать-то… Вадь. Может, я бы человеком стала. А сейчас уж поздно. Как же так получилось, что всё поздно…

Ей показалось, что в глазах портрета мелькнула печаль, и тут же осеклась.

— Прости меня, я знаю, ты ни в чем не виноват, тебе ведь тоже худо было. Со всеми этими бабами твоими, поэтому и сердце истрепалось, не дотянуло до срока. Если бы, если бы у нас был ребенок… Но что теперь говорить… Пойду поброжу тут немного, потом опять к тебе вернусь…

***

Она медленно встала, вышла за ограду могилы и пошла по тропинке, небрежно читая надписи на памятниках: кто-то умер рано, кто-то аж в девяносто восемь, но ей были безразличны эти чужие люди… И тут Варя поняла, что памятники и кресты закончились, и идет она уже не по кладбищу, а по лесной осенней тропинке… Всё было как в том сне. На поляне мальчик в зеленой куртке вновь сидел у муравейника. Варя подошла к нему ближе, тронула за плечо. Он обернулся — те же веснушки и такие же, как у нее, серые большие глаза.

— Как там наши человечки? — спросила Варя.

— У них сейчас послеобеденный сон, — серьезно ответил мальчик.

— Понятно, тогда не будем их беспокоить.

— Ты прости, что я у тебя не родился, — сказал мальчик, не глядя на нее, — я правда очень этого хотел, но…

— Ну что ты, — она взяла его за плечи, — я знаю, ты в этом не виноват.

Мальчик вскинул голову:

— Но мы всё равно встретимся, правда, немножко не так, как мы хотели, но обязательно встретимся… И… — он замолчал, будто чуть смутившись. — Скажи, как ты меня назовешь?

— Сашей, так звали наших с Вадимом отцов. Ты согласен?

— Да…

И она опять оказалась на кладбище, возле серого громоздкого памятника каких-то Спиридоновых, без портретов. «Господи, что это? — прошептала Варя, — Саша…» Повернулась и быстрым шагом, будто боясь не успеть, вновь пошла на могилу к Вадиму.

***

На скамейке сидела ссутулившаяся молодая девушка, она тихо плакала, чуть вздрагивая угловатыми плечами.

— Леночка, — узнала Варя дочь Вадима.

Девушка обернулась к ней.

— Варвара Александровна, — улыбнулась она сквозь слезы, — как же я рада, что встретила вас. Садитесь.

Варя села рядом на скамейку.

— Знаете, — начала Лена, — я до сих пор поверить не могу, мне всё кажется, что он просто уехал куда-то и скоро вернется. Мы последнее время редко виделись, но он всегда, он всегда был у меня здесь, — она коснулась груди, — а теперь, теперь там пусто…

— Леночка, ну что же теперь делать, он очень тебя любил и сейчас…

— Ой, не надо, а! — резко перебила ее Лена. — Смотрит на меня и… Что смотреть-то, плохо всё, папа. Лучше не смотри и не расстраивайся.

— Что плохо-то, девочка?

— Да всё! Смотреть ни на кого не могу. А матери вообще по ходу пофиг, ну, умер и умер, у нее Анатолий Андреич есть и этот братец мой, задрот компьютерный. Они мне последнее время вообще как неродные, благо, живу отдельно. Еще рассталась тут недавно с одним, да и… с ним, тоже мне потеря…

— Леночка, ну ты же девушка… — начала было Варвара Александровна и тут же поймала себя на том, что начинает улыбаться: Лена своей грубой бесцеремонностью очень напоминала Вадима.

— Ой, да пошли они все, как хочу, так и разговариваю, неча бисер перед свиньями метать, много будет чести хрякам, — ну, это вообще были его слова. — Один папка только и был человек… — закончила Лена.

— Мне тоже его, Леночка, очень не хватает.

— Оно и понятно, он вас действительно любил. Да что они знают про любовь-то, сопли эти все. Вот папа действительно знал.

— У всех по-разному, — неуверенно возразила Варвара.

— Наверное, — смягчилась Лена, — а вы знаете, я вас одно время даже ревновала, а потом поняла, что бессмысленно, папка меня не меньше любил.

— Да даже больше, Леночка.

— Нет, — Лена поморщилась, — не больше, а также, так, как правильно… — замолчала на пару секунд и вдруг выдала:

— А давайте, Варвара Александровна, с вами дружить.

— Дружить? — удивилась Варя. — Да зачем же я тебе?..

— А зачем вообще кто-то кому-то? — логично возразила Лена.

— И то верно, — согласилась Варвара.

— Как вы живете-то теперь? — поинтересовалась Лена.

— Ой, Леночка… Даже не знаю, как и сказать, — вздохнула Варвара Александровна.

— Да говорите уж, не жмитесь….

И тут Варя рассказала ей всё. Лена внимательно выслушала, кивнула, когда она закончила, и тут же выпалила:

— Фигня-война, я его выдворю в пять минут… Не волнуйтесь…

— Ой, Леночка, да как же ты его, борова, выдворишь?

— Да спокойно, вы меня не знаете.

— Похоже, начинаю узнавать… Лен, ну прям уж резко так, без предупреждения, выдворять жестоко, куда он пойдет-то…

— Ладно, резко не будем, — улыбнулась Лена. — Какая ж вы добрая… А вообще, перебирайтесь-ка вы лучше ко мне…

— Леночка, как это? У тебя, может, какая личная жизнь появится… А тут я…

— Да и… — опять чуть не выругалась Лена, — то есть появится, и что? Вы-то чем помешаете…

— Это всё правда? — не могла поверить Варвара.

— Конечно, правда. Знаете, Варвара Александровна, может, это и странно, но я вас люблю. Ну… папа вас любил, заботился о вас, и вы мне всегда были словно близкий человек, что ли. Хоть мы и виделись считанные разы. И вообще, с моим характером я по ходу вообще одна останусь в итоге, тут мать права. Ну и… с ними, то есть с мужиками. Но совсем одна я тоже быть не хочу. Поэтому давайте будем вместе.

— Ты не будешь одна, — улыбнулась Варя. — У тебя еще Саша будет.

— Кто такой Саша? — не поняла Лена.

— В свое время узнаешь…

Случай в бассейне

Зинаиду Петровну все считали приятной женщиной, и коллеги, и руководство, и студенты. Добрая она была, бесхитростная, умная, но без той специфической преподавательской агрессивности, с которой хоть раз в жизни да сталкивается почти каждый студент. Ростом средняя, не худая, но и не сказать, чтобы много лишнего, мягонькая такая, уютная, и чтобы это почувствовать, совсем не нужно было лезть к ней обниматься, достаточно просто рядом постоять пару минут. Лет ей было уже порядочно, но никто бы никогда не обозвал ее старухой даже за глаза, настолько это был теплый, трогательный человек. Но вот личная жизнь у Зинаиды Петровны не сложилась, когда-то давно она была замужем и до сих пор хранила свадебный альбом с фотографиями, иногда открывала его и смотрела в счастливые глаза себя двадцатилетней. Такой ее мало кто помнил, да и самой ей уже не верилось, что все это было взаправду. Брак не сложился, детей не получилось, а жизнь продолжилась. Были какие-то мимолетные встречи-знакомства с мужчинами, но почему-то ничего путного и чтоб навсегда, так и не вышло. Ей нравилась ее работа, нравились студенты, и она, как многие искренне увлеченные своим делом люди, периодически забывала, сколько именно ей лет, помня только год рождения.

Но в последнее время и на Зинаиду Петровну тоже стала нападать грусть, особенно в выходные, и она приобрела абонемент в бассейн. Раньше она уже ходила туда, но потом сделала перерыв на пару лет, поднадоело и ей, и подруге, с которой они вместе плавали и посиживали в маленьких саунах: турецкой, финской, соляной и инфракрасной, оздоравливались, омолаживались и просто болтали. Теперь та подруга почти все время жила вместе с мужем на довольно комфортабельной даче в ближайшем Подмосковье и в гости Зинаиду Петровну ни разу не позвала, только закидывала ее аляповатыми картинками и видео в Ватсапе. Совсем не осталось друзей: «Иных уж нет, а те далече» — запомнилось еще в школьные годы, а теперь всплыло в памяти, внезапно приобретя актуальность.

Недавно она была на очередной научной конференции, и ей очень понравился один приятный мужчина, профессор из дружественного вуза. Они перекинулись только парой фраз, а на душе сразу просветлело. Возможно, они даже встретятся еще в летней школе для молодых преподавателей, где будут читать лекции и всячески делиться своим большим научно-педагогическим опытом. «Но лето еще так нескоро, и разве возможно, чтобы такой мужчина был свободен?» — вздохнула про себя Зинаида Петровна, глядя из окна автобуса на внезапно вернувшуюся в конце марта сердитую, серую зиму без солнца и надежд.

Но уже в гардеробе бассейна, когда она сдала пальто и засовывала номерок в кармашек сумки, тоска ее внезапно покинула. Откуда-то пришло четкое осознание, что лето все равно наступит рано или поздно, и даже если этот приятный Емельян Михайлович глубоко женат, просто насладиться общением с ним ей никто не помешает, а для посещения бассейна компания и не особо-то нужна… И вообще, главное — здоровье!

В раздевалке Зинаиде стало уже весело, и в который раз пришла в голову незамысловатая мысль: какие же мы все в большинстве своем нелепые и беззащитные, когда голые. Душ — преддверье в мир беззаботности и восторга, она так по-детски соскучилась по плаванью, оказывается, окунуться в бассейн было самым большим ее желанием на протяжении последних трех месяцев.

***

Бассейн был пуст. «Куда же все делись-то, — недоумевала Зинаида Петровна, — ведь только что в раздевалке…» Казавшаяся ярко-голубой из-за подсветки вода манила. Зинаида медленно сошла по ступенькам и поплыла. Ощущения оказались настолько приятными и новыми, будто это было одно из первых купаний в ее жизни, а может, и самое первое, неве-

роятная легкость, почти полет. Ей захотелось нырнуть бойко, по-юношески, достать до дна бассейна, она уже давно так не делала, опасалась намочить густые волосы, которые всегда так долго сохли, да и казалось, что сейчас уже не получится, не настолько ловкая уже. Получилось! Глубже, еще глубже, а дна все нет и нет, но нестрашно, и воздух не заканчивается. Да она час так может плыть, нет, не час, всегда… «Все-таки странно немного, лучше вынырнуть», — несколько мощных гребков руками, теперь она была уже здесь не одна. Впереди нее плыл молодой человек атлетического сложения, сзади, на другой дорожке — две пожилые дамы. По лестнице в воду спускалась молодая пара с девочкой примерно шести лет. «Что за бред… — Зинаида сморгнула. — Ну, конечно, привиделось». У атлета, что, подтянувшись, выбрался из воды на бортик бассейна, были обычные, даже немного кривоватые ноги, а вовсе не то, что нарисовало ее разыгравшееся воображение…

— Зинаида Петровна, значит, и вы тоже! — это была Лиля Золотарёва, одна из ее наиболее легкомысленных студенток-прогульщиц.

— Что я тоже? — не поняла Зинаида Петровна. — Ты когда на пересдачу-то соблаговолишь прийти, солнце мое незаходящее.

Лиля звонко рассмеялась и юркнула вглубь, наглядно продемонстрировав своему ошарашенному педагогу эффектный взмах русалочьего хвоста, хорошего такого хвоста, крепкого, упругого, похожего на щучий.

Зинаида Петровна застыла у бортика, не веря в происходящее: «Это надо же сойти с ума прямо в бассейне». Людей становилось больше, они подходили к воде обычными людьми, а когда окунались в нее, превращались в русалок, русалов и русалят. Зина со страхом посмотрела на свои ноги, пошевелила пальцами — нет, с ней превращения не случилось, тогда что же она делает среди них…

— Зинаида Петровна! Вот радость-то… — Это был он, и вовсе неправда, что мужчина за пятьдесят, если он не профессиональный спортсмен, не может быть приятен не только лицом, но и телом, — Емельян Михайлович, доктор наук, профессор и с недавнего времени русал.

— Это как же вы, это как же мы? — пролепетала Зинаида Петровна.

— Научного объяснения, увы, нет, — рассмеялся профессор. — Да оно и незачем. Вот я уж думал, Зинаида Петровна, что все, что могло со мной в жизни случиться, случилось. Даже жена уже померла, она вредная была, правда, Царство ей Небесное, но я за тридцать-то лет как-то попривык к ее специфике, да и потом наука, студенты всегда отвлекали, свои родные лоботрясы тоже только недавно вести себя стали по-взрослому. А вот всегда душе хотелось чего-то чудесного, да где ж его взять… Решил для здоровья в бассейн походить, а попал, в общем, сами видите… Есть такое волшебное время во всех бассейнах, каждый день оно разное, когда открывается некий портал, и если в тебе с рождения была русалость хоть в минимальной степени заложена, попадешь к родственникам своим, о которых раньше не знал… Если раз вот так попал, то теперь уж всегда попадать будешь, когда бы ни пришел.

— Так я в бассейн-то много в жизни ходила, и в детстве, и в юности.

— Первый раз совпасть должно до доли секунды, у кого-то в детстве, а у кого и к пенсии ближе, по-разному бывает.

— И как нам с этим теперь?

— Ну как-как, радоваться, хвостом махать… Мне лично нравится, — Емельян Михайлович чуть поболтал плавником.

— А у меня хвоста пока почему-то нет, — улыбнулась Зинаида Петровна и поболтала ногами.

— Это ничего, — успокоил ее Емельян Михайлович, — в следующий раз обязательно образуется.

Хрустальный шар Надежды

Эта майка была не убиваемая. И сколь не терзала ее стиральная машина, по завершении очередной экзекуции лимонно-желтый лось на ней все так же меланхолично-отрешенно курил свой кальян… Но сегодня его нирвана жестко прервалась: вынув любимую майку из стирки, Максим понял, что она все-таки стала тряпкой. И вот эта мелочь расстроила его намного больше, чем то, что на днях он потерял работу, и вдобавок от него ушла женщина. Работа была не самая лучшая, впрочем, не хуже и не лучше всех его предыдущих работ, а женщина в последнее время стала просто невыносима.

Максим не сомневался в том, что вскоре найдет новую работу, да и девушку другую найдет, если захочет. Но не хотелось. Понятно, что без работы нельзя, и если он не решит эту проблему в ближайшее время, сестра Дашка всё равно достанет. Она вообще никому долго расслабляться не позволяла — ни мужу, ни ребенку, ни родителям, ни своим подчиненным. Дашка была гордостью, а с некоторых пор уже и главой семьи. За свои тридцать с небольшим она успела всё: закончила серьезный технический вуз, защитила кандидатскую, вышла замуж, родила, стала начальником и научилась нести ответственность за всех и сразу. А Максим, ну что Максим — «не алкаш, кое-как работает, и ладно». Всегда он проходил у родителей по категории «ну и ладно». И до поры до времени Максима это вполне устраивало, пока не прицепилась мысль, что все-таки есть в этом хоть малая, да несправедливость.

Еще и майка любимая — в хлам! Сходил на день рождения к сокурснику, называется…

***

Друзья не преувеличивали, когда говорили, что она в разы красивее «той злой куклы», которая недавно ушла от него. Люда действительно была удивительно хорошенькой, с огромными карими глазами, точеным носиком, узкими аристократическими запястьями, длинной шеей и короткой стрижкой, выгодно подчеркивающей ее профиль. Она немного напоминала французскую актрису Одри Тату времен фильма «Амели». Но разговора не получалось, Одри будто забыла свою роль маленького спасителя человечества, да и остальные роли тоже забыла, вяло отвечала на его вопросы или вообще молчала и почти не смотрела на него. Однако всё изменилось, когда день рождения закончился и они вышли на улицу. Из беззвездной темноты неба падали тихие, неспешные хлопья снега, улица была безлюдна, тускло горели фонари. Люда в коротком полушубке, со стройными ногами, в туго обтягивающих икры замшевых сапогах и снегом в черных волосах показалась ему рекламной картинкой из потрепанного журнала, которые иногда валяются на столиках перед кабинетом стоматолога в клинике. Максим никогда не обращал на них внимания, но в последний раз, когда ждал прием у врача, вдруг задержал взгляд на глянце, и ему вдруг стало жалко эти вытесняемые интернетом на задворки истории журналы, и даже белозубые улыбки героев обложек показались какими-то кислыми. И тут Люда выдала:

— Надо же, а в тебе есть что-то человеческое.

— Что?

— Ничего. Просто в последнее время мне начало казаться, что обезьяны уже завоевали человечество.

— Ты пьяная, — догадался Максим.

— Недостаточно, — вздохнула Люда. — Пошли в магазин, что ли, добавим. Только полдесятого, у семейных с дитями особо не оторвешься.

— А тебе хочется оторваться?

— Не так чтобы… А поговорить — представляешь — да.

***

— А как ты определяешь, обезьяна или нет? — заинтересовался Максим, в очередной раз разливая коньяк по пластиковым стаканчикам.

Они расположились на маленькой истертой скамейке обезлюдевшей на зиму спортивной площадки.

— Да само как-то определяется, с ходу и не объяснишь. Ну, когда явно неразвитая особь, понимаешь, хотя для обезьян, может, и нормально, — Люда быстро опрокинула в себя коньяк и, чуть поморщившись, продолжила:

— Ты — человек, н-не волнуйся…

— Спасибо. Может, хватит?

— Да не, я стойкая. Ну, относительно.

— А почему ты с мужем развелась? Тоже обезьяной оказался?

— Да нет, не то чтобы совсем…

— Но и не человек…

Тут Люда рассмеялась, и он, вглядевшись в ее лицо, понял, что она еще очень юная, хоть и замужем успела побывать.

— Неет. Не так. Просто мы ведь с ним с детского сада знакомы, наверное, это все-таки слишком долго.

— Ну да, с детского сада, пожалуй, долговато…

— Ты что-нибудь расскажи.

— Что?

— Про какую-нибудь последнюю свою…

— Ладно. У меня проще. Знал с института. За эту обезьянью особь женского пола боролась вся мужская часть нашей стаи. Самка самцов меняла примерно раз в полгода, я с ней сошелся уже спустя шесть лет после института, по работе пересеклись. Чем привлек, сам не понял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.